

Гульжигитов М.Г.

ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

M.G. Guljigitov

GUARANTEES OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO LEGAL ASSISTANCE IN THE KYRGYZ REPUBLIC

УДК: 342.72/73 (575.2) (07)

В статье рассмотрена сущность и содержание конституционных гарантий по обеспечению права на квалифицированную юридическую помощь.

Ключевые слова: конституция, юридическая помощь, право, правоотношения, гарантии, правопритязание.

The article considers the essence and content of constitutional guarantees to ensure the right to qualified legal assistance.

Key words: constitution, legal aid, law, legal relations, guarantees, claim.

Специфические характеристики социально-правового содержания института юридической помощи определяют особенности конституционной природы соответствующего конституционного права, его местоположение и параметры взаимодействия со структурными элементами конституционно-правового статуса личности.

Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь находится в сложной системе взаимосвязей и взаимозависимостей с иными конституционными правами и свободами, определяющими поведение человека и гражданина в разнообразных сферах социальной жизнедеятельности. Так, следует согласиться с О.Ю. Кривоносовой, что его связь с политическими правами проявляется в том, что благодаря реализации политических прав человека и установлению демократического режима, законности и правопорядка право на юридическую помощь может быть реализовано, как и все остальные права и свободы человека и гражданина [6, с. 14], при том, что, по нашему мнению, само по себе право на квалифицированную юридическую помощь, выступая субъективно-личностной основой институционализации относительно обособленных от публичной власти социально-правовых структур, призванных поддерживать посредством защиты прав и свобод человека и гражданина незыблемость конституционного правопорядка, составляет важный элемент демократического режима и задает пределы публичной политики, являясь, кроме того, залогом эффективной реализации политической свободы личности. Не случайно и Европейский Суд по правам человека обращал внимание на то, что право на защиту занимает видное место в демократическом обществе, как и само право на справедливое судебное разбирательство, из которого оно вытекает [10, с. 318-327].

Взаимодействие права на квалифицированную юридическую помощь с социальными правами

определяется наличием в отдельных аспектах его нормативного содержания признаков социального конституционного права. В частности, оно, как и социальные права, направлено на выравнивание социально-правового положения личности в общественно-государственной системе и обеспечение условий достойной жизни и свободного развития личности, а оказание юридической помощи за счет государства вполне может рассматриваться в контексте реализации социальной функции государства как одна из разновидностей социальной поддержки. В свою очередь реализация и защита личных прав и свобод, включая права на жизнь, на уважение достоинства личности, на неприкосновенность частной жизни, и других зачастую невозможна без «подключения» к ним нормативного потенциала конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

При этом в наиболее тесном соприкосновении рассматриваемое право находится с конституционными правами человека и гражданина в сфере правосудия, составляя одну из важнейших гарантий судопроизводства [3, с. 13] и, соответственно, гарантией судебной защиты прав граждан. Интересно в связи с этим отметить, что в В.А. Ржевский и само право на получение квалифицированной юридической помощи рассматривал как «право на защиту» [9, с. 153].

В конечном счете, однако, такой подход опирается, в своей основе, на классическую трехчленную схему относительно условного разделения всего комплекса конституционных правомочий индивидов на личные (гражданские), политические, а также социально-экономические (по другой терминологии – экономические, социальные и культурные) права и свободы [5, с. 33].

Однако, при такой предельно формальной оценке структуры конституционного статуса личности вряд ли возможен учет особенностей таких признаваемых, соблюдаемых и защищаемых государством субъективных правопритязаний индивидов, столь важных в демократическом обществе (наряду с правом на квалифицированную юридическую помощь), как право на судебную защиту, право на справедливое судебное разбирательство, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями его органов или должностных лиц и т.д. Иными словами как бы не учитывается, что система конституционных прав и свобод личности не ограничивается формализацией отношений

между индивидом, обществом и государством в сфере личной, политической и социально-экономической свободы, но и включает в себя в качестве неотъемлемого структурного элемента правопритязания индивидов на судебно-процессуальное и иные формы обеспечения всех других конституционных прав и свобод, что создает надлежащие юридические предпосылки для нормальной право-реализации и эффективного достижения субъектами правоотношений юридических целей.

В этом плане более логичной является позиция тех авторов, которые включают право на квалифицированную юридическую помощь в самостоятельную, четвертую группу «основных прав по защите других прав и свобод граждан» [1, с. 671-673]. Принимая во внимание наличие соответствующих конституционно-правовых связей, а также конституционное предназначение права на квалифицированную юридическую помощь в едином право-обеспечительном механизме государства, заключающееся в создании условий для полноценного осуществления вытекающих из конституционно-правового статуса личности юридических возможностей в наиболее оптимальном для нее организационно-правовом режиме, а также для эффективной защиты нарушенных или оспоренных прав, следует признать, что право на квалифицированную юридическую помощь обладает ярко выраженными правогагарантирующими свойствами. Иными словами, право на получение квалифицированной юридической помощи по своему нормативному содержанию шире и богаче, чем право на защиту.

При таком подходе, однако, сохраняется вопрос об особенностях юридической природы данной группы прав: она (данная группа) находится в едином ряду со всеми другими правами и свободами, если исходить из того, что это «четвертая группа основных прав», или же данный институт обладает более существенной спецификой в соотношении с другими правами и свободами? Представляется возможным говорить о весьма существенной специфике данного института конституционного статуса личности, которые не вкладываются в традиционные характеристики отдельных групп прав и свобод. На основе Конституции Кыргызской Республики 2010 г. вполне обоснованным является выделение такого специфического образования как *конституционно-процессуальные права-гарантии*, в состав которого входит и право на квалифицированную юридическую помощь.

Выделение данного института правового положения личности не является общепризнанным в конституционной теории, хотя весьма интересны попытки отдельных авторов включить в классификацию конституционных прав и свобод, проводимую по их материальному содержанию, наряду с традиционными группами также конституционно-процессуальные права. Так, например, И.Л. Петрухин в своей работе «Человек и власть (в сфере

борьбы с преступностью)» выделил «конституционно-процессуальные» и «уголовно-правовые» конституционные права личности, правда, без какого-либо специального обоснования соответствующей позиции [8, с. 70]. В свою очередь, П.В. Анисимов, разграничивая между собой такие юридические конструкции как признание прав и свобод, с одной стороны, и защита прав и свобод, с другой, обосновывает самостоятельное значение правозащитных отношений, которые, по его мнению, представляют собой отношения между людьми, вовлеченными в процесс реализации права человека на правовую защиту [2, с.33-34]. Тем самым предполагается и особое место соответствующих прав в структуре конституционного статуса личности.

Таким образом, в наиболее обобщенном виде выделение группы конституционно-процессуальных прав-гарантий обуславливается, по меньшей мере, тремя обстоятельствами: во-первых, ряд позитивно выраженных и имеющих конституционное закрепление субъективных притязаний индивидов имеют преимущественно правообеспечительную направленность, то есть на уровне правомочий выступают в качестве неотъемлемого элемента гарантирования других конституционных прав и свобод и, таким образом, не укладываются в классическую структуризацию системы прав и свобод личности; во-вторых, классификационным основанием выделения данного институционального образования является единство материального содержания, а также социальное и юридическое предназначение образующих данную группу прав-гарантий. Следовательно, речь идет о единой для всех конституционных прав и свобод человека и гражданина классификационной основе их систематизации, т.е. предлагаемая группа конституционно-процессуальных прав-гарантий не только не выпадает из единой системы прав и свобод человека и гражданина, но дополняет, делает ее более стройной; наконец, в-третьих, все это подтверждается и самой логикой, последовательностью конституционного закрепления прав и свобод в Конституции Кыргызской Республики. Уже тот факт, что Конституция КР весьма широко регламентирует положение личности во взаимоотношениях с судебной властью, включая прежде всего уголовно-процессуальную сферу, свидетельствует о специфических особенностях соответствующей группы конституционных правоотношений. Поэтому выделение в системе прав и свобод конституционно-процессуальных прав-гарантий ни коим образом не противоречит общим подходам к оценке системы конституционно-правового регулирования положения личности в обществе и государстве, в том числе – на основе безусловного признания единства всей системы конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем признание наличия в одном и том же социально-правовом феномене синтезированных качеств субъективного конституционного права и,

одновременно, конституционной гарантии субъективных конституционных прав, не противоречит и природе каждого из этих институтов, способных к соответствующему взаимопроникновению. Действительно, под субъективными конституционными правами обычно понимаются конституционно обеспеченные возможности человека и гражданина действовать определенным образом. Гарантии же конституционных прав и свобод рассматриваются как совокупность объективных и субъективных факторов, которые направлены на полную реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод человека и гражданина, а также на устранение возможных причин и препятствий их неполноценного осуществления [7, с. 7]. Соответственно, субъективное конституционное право, в том числе конституционное право на квалифицированную юридическую помощь, при условии его сущностной целевой направленности на поддержание процесса правопользования, складывающегося на основании и в соответствии с иными конституционно-правовыми возможностями, вполне может действовать в качестве конституционно-правовой гарантии, выступая необходимой предпосылкой эффективного достижения правомерной цели, вытекающей из социально-правового содержания гарантируемого правомочия.

Что же касается конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи, то оно, по характеру и содержанию конституционного закрепления, определяет не менее трех относительно самостоятельных прав-гарантий, а именно:

- право на получение квалифицированной юридической помощи (п. 3 ст. 40 Конституции КР);
- право на получение юридической помощи за счет государства, в случаях предусмотренных законом (п. 3 ст. 40 Конституции КР);
- право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления пользоваться квалифицированной помощью адвоката (защитника) с момента фактического задержания (п. 5 ст. 24 Конституции КР).

Выступая конституционным правом-гарантией, прежде всего, права на судебную защиту, право на квалифицированную юридическую помощь воплощает в себе не только материальные, но и процессуальные начала. В нем субъективное право-притязание как бы получает дополнительный слой нормативности, обретая процессуальную форму порядка, условий, форм своей реализации. Иными словами, право на квалифицированную юридическую помощь определяет не только субъектный состав, условия, основания и содержание квалифицированной юридической помощи, но и то, каким образом она должна быть оказана. Вместе с тем, можно утверждать, что рассматриваемое право оказывает влияние на процессуальную форму защиты прав и законных интересов личности, предполагая, что юрисдикционные (процессуальные)

процедуры должны обеспечивать гражданину реальную возможность привлечь к участию в его деле сведущих в праве лиц для оказания помощи в достижении правомерного результата, а необеспечение такой возможности влечет определенные процессуальные последствия, вплоть до признания вынесенного, без предоставления лицу юридической помощи, судебного решения неправосудным.

Единство материальных и процессуальных начал в нормативном содержании права на квалифицированную юридическую помощь подтверждается объективным переплетением в рамках соответствующих общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением права на судебную защиту, реализации субъективно-личностного (индивидуального или коллективного) интереса с функционированием судопроизводственных институтов государственно-правовой системы.

Особенности природы конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, взаимодействие в ней материального и процессуального, частного и публичного начал, определяют качественные характеристики и критерии правомерной законодательной регламентации соответствующих общественных отношений, которая должна строиться на принципах обеспечения разумного баланса между указанными началами и сочетании императивного и диспозитивного методов правового регулирования. Это касается всех институтов и элементов квалифицированной юридической помощи, в том числе, законодательного регулирования порядка установления размеров оплаты юридической помощи.

Конституция Кыргызской Республики провозглашает высшей ценностью человека его права и свободы. При этом, как справедливо отмечает С.Н. Болдырев, главнейшая практическая ценность прав и свобод личности состоит в их реальности, в том, в какой степени провозглашенные государством права и свободы осуществимы в их практической повседневной жизни [4, с. 18]. Именно на обеспечение этой реальности и направлены гарантии прав и свобод личности.

Литература:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. Том. 1. – М.: Юристъ, 2005. – С. 671-673;
2. Анисимов П.В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. –С. 33-34;
3. Беляевская О.Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007;
4. Болдырев С.Н. Гарантии как технико-юридические средства обеспечения прав и свобод личности // Общество и право. 2010. № 5. – С. 18;
5. Глухарева Л.И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Саратов, 2004. – С. 33;

6. Кривоносова О.Ю. Конституционное право на бесплатную юридическую помощь в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М, 2007. – С. 14;
7. Лаврик М.А. Гарантии конституционных прав человека (соматический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – С. 7;
8. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). – М.: Юрист, 1999. – С. 70;
9. Ржевский В.А. Правовое государство: верховенство права и гарантирование прав и свобод человека // Инновационные подходы в науке: Теоретические и методологические проблемы социогуманитарного познания. Сб. статей / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д., 1995. – С. 153;
10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 мая 1980 года по делу «Артико (Artico) против Италии»//Европейский Суд по правам человека.Избранные решения. Т.1.– М.: Норма, 2000. – С. 318-327.

Рецензент: к.ю.н. Мамырбаева З.А.
